

Сун Ихэн по-прежнему не заходил в аудиторию, не отрывая от него горящего взгляда.

— Не хочешь зайти послушать лекцию?

Первоначально Сюй Лун планировал вернуться и продолжить поиски улики, но, встретившись с влажно блестящими глазами Сун Ихэна, кивнул. Однако возник другой вопрос: где сестра? Сюй Лун окинул взглядом переполненную лекционную аудиторию.

Сун Ихэну было всё равно, много там людей или мало. Он протянул руку, намереваясь затащить Сюй Луна внутрь, но тот невозмутимо уклонился. Шутка ли — идти за руку с мужчиной на глазах у всех, да еще и с таким уважаемым, мягким и интеллигентным преподавателем, которого обожают студенты. Как это вообще может выглядеть?

Сун Ихэн, не сумевший схватить его за руку, был слегка разочарован, но огромная радость, переполнявшая его, с лихвой перекрывала это мелкое недовольство.

Во время лекции Сун Ихэн, не мигая, смотрел на Сюй Луна своими завораживающими глазами, от возбуждения то и дело поводя шеей. Поскольку он поставил стул прямо у кафедры, чтобы Сюй Луну было где сидеть, он постоянно спускался к нему, прижимаясь длинными ногами к его телу, а его тонкие пальцы то и дело касались плеча Сюй Луна. Если бы Сюй Лун был его студентом, он вполне мог бы подать на него жалобу. И все три долгих часа лекции студенты наблюдали за тем, как их профессор пребывает в состоянии возбужденного полубезумия.

После занятий они вместе пообедали и вернулись в жилой комплекс. Проводив Сюй Луна до его виллы, Сун Ихэн, напевая под нос и отбивая ритм, направился к себе. Навстречу ему шли двое: молодая женщина в дорогой одежде и ребенок, который опустил голову и тер глаза. Сун Ихэн замедлил шаг и присмотрелся к тому, что делал мальчик. У него под глазом красовался синяк и ссадины.

— Я тебя прибую! — молодая женщина отвесила мальчику звонкую пощечину. — Ты всю мою косметику извел!

Мальчик продолжал стоять с опущенной головой, из его горла вырывались тихие всхлипы.

— Чего ноешь? Только и знаешь, что реветь, — женщина злобно сверкнула глазами.

Мелодия, которую насвистывал Сун Ихэн, мгновенно стихла. В глубине его глаз забурили непонятные эмоции, лицо на мгновение помрачнело, но стоило ему тряхнуть головой, как прежнее выражение вернулось. Он небрежной походкой подошел к ним.

— Госпожа Лю, снова воспитываете ребенка?

Увидев Сун Ихэна, женщина преобразилась, на ее лице появилось восхищение. Она поправила волосы у виска и ответила совсем иным, мягким голосом:

— Ох, малыш совсем не слушается. Профессор Сун, лекция закончилась?

Сун Ихэн бросил взгляд на мальчика и равнодушно ответил:

— Да.

Затем он пошарил в кармане, подошел к ребенку, присел на корточки и медленно раскрыл

ладонь, на которой лежали две маленькие фруктовые конфеты.

— Держи, Сяо Юн, это тебе.

Леденцы поблескивали на солнце.

Вернувшись домой, Сун Ихэн задернул все шторы, и светлая комната мгновенно погрузилась во тьму. Он снял пиджак, небрежно бросил его в сторону и потянулся к пуговицам рубашки. Пройдя на кухню, он медленно расстегивал их одну за другой. Все это время его лицо оставалось холодным и отстраненным. Сбросив рубашку, он обнажил белоснежную кожу, которая во тьме казалась еще более притягательной, а мышцы на его теле выглядели мощными и полными жизни. Он взял со стола фруктовый нож, тонкие пальцы коснулись лезвия, и из пореза потекла кровь. Сун Ихэн втянул запах крови, блаженно прикрыв глаза, мышцы на его лице напряглись.

— Мама, мама, поиграй со мной.

Перед туалетным столиком сидела холеная женщина с длинными волнистыми волосами, оттенявшими ее фарфорово-белую кожу. Она смотрела на свое отражение, тщательно нанося помаду на губы. Маленький мальчик, видя, что мать его игнорирует, дернул ее за руку. Рука женщины дрогнула, помада смазалась, оставив на щеке нелепый след. Атмосфера мгновенно накалилась. Она наконец соизволила взглянуть на него, ее алые губы приоткрылись, извергая поток грязных ругательств. Затем она схватила со стола метелку для пыли и с каменным лицом начала хлестать мальчика — раз за разом, пока тот не превратился в кровавое месиво.

Перед глазами все плыло в ярко-алых тонах. Сун Ихэн слегка вздрогнул, медленно выныривая из воспоминаний. Когда он открыл глаза, они были налиты кровью. Ранка на руке начала затягиваться. Он смотрел на фруктовый нож, лежащий на столе, с нечитаемым выражением лица.

На следующий день госпожу Лю нашли мертвой. Она лежала во дворе виллы с широко раскрытыми глазами и широко раскинутыми ногами, а на ее лицо нанесло какую-то сорную траву. Муж госпожи Лю стоял рядом, обнимая ребенка; судя по виду, он уже успел выплакаться. Мальчик же с пустым, безразличным выражением лица смотрел на игрушечную машинку в своих руках.

Атмосфера в элитном поселке изменилась. Увидев труп, люди больше не стремились поглазеть на происходящее, особенно молодые женщины — они торопливо проходили мимо, побледнев от ужаса.

— Муж, давай переедем, здесь слишком опасно. Меньше чем за месяц три убийства, мне так страшно.

— Хорошо, пойдем собирать вещи, уедем немедленно.

Жители вилл были состоятельными людьми, у многих из них имелось по несколько домов в городе, и большинство не хотело съезжать только потому, что привыкли к этому месту. Но как бы сильно они ни были привязаны к дому, жизнь была дороже. Пока что у всех трех преступлений была общая черта: жертвами становились женщины, а способ убийства был

идентичен.

Колыбельная, которая звучала на месте преступления, была, пожалуй, самой символичной деталью. Почему именно колыбельная? Что она значила для убийцы?

Сюй Лун подошел к мальчику и присел рядом.

— Малыш, интересная машинка?

Мальчик медленно поднял голову. Сюй Лун увидел синяки на его лице и полное равнодушие в глазах.

— Интересная, — голос ребенка звучал монотонно и пусто, совсем не так, как подобает детям его возраста.

— Малыш, откуда у тебя эти следы на лице?

Мальчик заметно съежился и бросил опасливый взгляд в сторону тела женщины. Не успел он открыть рот, как отец притянул его к себе.

— Нечего тут вынюхивать!

Сюй Лун выпрямился, невозмутимо посмотрел на вспыльчивого мужчину и небрежно усмехнулся:

— Прошу прощения.

Судя по реакции мальчика, с вероятностью девяносто процентов синяки оставила погибшая женщина. Вспомнив про труп мальчика на вилле первой жертвы, разорванные фотографии на второй и следы побоев на лице ребенка на третьей, Сюй Лун сложил все воедино.

Сформировалась четкая картина: убийца — житель этого же комплекса, который знает все повадки соседей, может действовать ночью, не привлекая внимания охраны, и его цели — матери, которые жестоко обращаются со своими детьми или не любят их. Сюй Лун обвел взглядом поселок, и в его голове созрел план.

Несколько дней слежки позволили Сюй Луну вычислить женщин, которые оставались в поселке и дурно обращались с детьми: Ван Цзяли в глубине квартала, Лю Юй по соседству с ней и Шан Лин, жившая по соседству с самим Сюй Луном. Хотя круг потенциальных жертв был очерчен, Сюй Лун не знал, когда и на кого именно нападет преступник, поэтому ему приходилось каждый день околачиваться возле этих домов.

В ту ночь снова шел дождь — идеальная погода для преступления. Сюй Лун накинул дождевик и вышел наружу. Сначала он подежурил возле дома Шан Лин, но, не заметив ничего подозрительного, направился в самый конец поселка. В тишине ночи, помимо шума дождя, слышался едва уловимый, странный звук, похожий на то, как кухонный нож вонзается в зимнюю дыню.

Луч фонарика выхватил источник звука, и на свет к Сюй Луну обернулось мертвенно-бледное лицо.

В темноте ночи Сун Ихэн выглядел как древний вампир, пробудившийся от долгого сна. Он уставился на Сюй Луна, стоявшего за фонариком, его ярко-красные губы слегка изогнулись в

улыбке, но глаза были пугающе глубокими, словно черная дыра, готовая поглотить Сюй Луна целиком. Он бросил тело женщины на землю и неспешно, ступая по траве, направился к нему.

Его большая белая рука легла поверх фонарика Сюй Луна. Дистанция между ними сократилась, и Сюй Луна накрыло ледяным, пропитанным отчаянием дыханием Сун Ихэна.

— Ты все-таки нашел меня, милый, — Сун Ихэн подался вперед, и его горячее дыхание опалило ухо Сюй Луна. — Увидел, как я работаю? Рад?

Сердце Сюй Луна невольно дрогнуло, он сделал шаг назад. Взгляд Сун Ихэна становился все более безумным. Он резко притянул Сюй Луна к себе, склонил голову, и их лбы соприкоснулись. Сюй Лун был вынужден утонуть в водовороте его глаз. Помимо безумия, он уловил в их глубине отчаяние — такое же, как у невинного человека, упавшего в бездну, который в момент разоблачения потерял всякую волю к жизни.

В глубине души заныло от боли. Сюй Лун, сдерживая слезы, посмотрел на Сун Ихэна с такой нежностью, пытаясь хоть немного унять его отчаяние. Но Сун Ихэн, окончательно погрузившийся в безумие, не нуждался в утешении. Сбросив маску нежности, он одним рывком закинул Сюй Луна на плечо и зашагал к дому.

Дождь барабанил по ним, тишина становилась все тяжелее. Сун Ихэн не проронил ни слова, но по тому, как дрожали его руки, Сюй Лун чувствовал, насколько он нестабилен.

Дома он одним движением открыл и запер дверь. Сун Ихэн донес его до комнаты в глубине коридора.

— Достань ключ.

Холодный ключ переключивал из теплой ладони Сюй Луна в руку Сун Ихэна. Дверь открылась. В темной просторной комнате стояла лишь огромная кровать. Сун Ихэн бросил Сюй Луна на нее, развернулся и щелкнул замком. Он смотрел на него, и эта мощная волна любви, словно цунами, обрушилась на Сюй Луна.

Глядя на него, Сюй Лун почувствовал, как глаза предательски защипало, а боль в сердце стала почти невыносимой. Но в глазах Сун Ихэна это выражение — на грани слез — выглядело как страх и паника.

Сун Ихэн усмехнулся, склонив голову набок.

— Тебе не убежать. Как бы ты ни плакал, я тебя не отпущу. Оставайся со мной в аду навсегда.

Сюй Лун подполз к нему по кровати и дернул за край одежды, показывая, чтобы тот наклонился. Сун Ихэн улыбнулся и, расстегивая пуговицы, склонился над ним. Произошло то, чего он никак не ожидал: стоило ему наклониться, как Сюй Лун сам подался навстречу.

Сун Ихэн застыл, пока не услышал голос Сюй Луна:

— Я хочу остаться с тобой навсегда. Не потому, что ты заставляешь, а по своей воле.

Эти слова стали ящиком Пандоры: стоило их открыть, и последствия стали непредсказуемы. Сун Ихэн чувствовал себя человеком, томившимся в пустыне и внезапно получившим воду: радость, удивление и чувство спасения нахлынули на него разом.

<http://bllate.org/book/21551/2216648>